

«ТЕАТР – ЭТО ЖИЗНЬ»

Наталья Петровна Веркашанцева родилась в селе Добринка Александровского района Оренбургской области. Окончила журфак Уральского государственного университета. Работала в редакциях газет «Комсомольское племья» («Новое поколение») и «Оренбургская неделя», сотрудничала со столичными изданиями: журналом «Страстной бульвар», газетой «Трибуна» и другими. Журналистский стаж – 48 лет. Член Союза журналистов РФ, член Союза театральных деятелей РФ. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Оренбурге.

Народному артисту России, лауреату Государственной премии РФ, художественному руководителю Оренбургского драматического театра имени Горького, режиссёру, профессору Рифкату Исафилову исполнилось 80 лет.

Рифкат Исафилов и Оренбургский драматический театр имени Горького встретились в непростое время – в конце 1990-х, на изломе своих судеб. Наш театр, существовавший в ту пору без главного режиссёра, остро нуждался в художественном лидере. У режиссёра, столкнувшегося с пресловутым национальным вопросом, была своя драма. Его отстранили от работы в Башкирском государственном академическом театре имени Гафури, которому он отдал почти четверть века, принеся известность далеко за пределами республики. Тогдашний председатель департамента культуры и искусства Владимир Флейшер, умевший принимать быстрые решения,

предложил опальному режиссёру возглавить «бесхозную» труппу оренбургского театра.

Оренбург к той поре был знаком с творчеством Исафилова: Башкирский театр приезжал в наш город на гастроли и был тепло принят оренбургской публикой. Вторая встреча произошла в 1994 году на Международном фестивале «Гостиный двор». Театр показал свой знаменитый, только что прошедший с большим успехом на столичной сцене спектакль «Великодушный рогоносец» по пьесе бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка. И это был уже настоящий триумф. Так что, приглашая Исафилова на художественное руководство, Флейшер знал, что делает.

Исафилов, уже получивший аналогичное предложение из нескольких российских театров, согласился не сразу, взяв тайм-аут. Из предложенных городов Оренбург был ближе всего к Уфе, где его ждали студенты-третьекурсники актёрского факультета. Он не собирался бросать их на полпути. Привлекло и то, что Оренбург считался центром разных национальных культур, давших миру известных писателей, музыкантов, артистов. Приехал, посмотрел спектакль «Король Матиуш Первый» по повести Януша Корчака. И разочаровался. Чтобы сделать свой театр, многое придётся поменять, размышлял он. А это всегда больно. У каждого театра своя история, своя судьба. А тут

старейший театр на Урале. Было о чём подумать.

Спросил: где берёте актёрские кадры? Оказалось, в основном с актёрской биржи. Но его этот вариант не устраивал. С биржи талантами не разживёшься: хорошими артистами театры не разбрасываются. Чтобы строить свой театр, нужно самому возвращать актёров, воспитывая их в единых принципах. В Уфе он так и делал, но на новом месте такой возможности не предоставлялось. Видя его замешательство, Флейшер, не задумываясь, предложил: давай откроем актёрский факультет. В Оренбурге как раз зарождался институт культуры и искусств имени Ростроповичей. И это решило исход дела. Думал, поработаю несколько лет, признаётся Исафилов, потом решу, что дальше. Но эти «несколько лет» растянулись на 23 года.

За это время дважды поступало предложение возглавить Татарский государственный академический театр имени Камала в Казани. В первый раз в Оренбург приезжал министр культуры Татарстана. Во второй — приглашение прозвучало из уст самого Президента Республики Минтимера Шаймиева, когда театр был на гастролях в Казани. Что и говорить, лестное предложение. Но Исафилов, почтительно поблагодарив, отказался, не считая возможным покинуть Оренбург, где начал строить свой театральный дом по тем канонам, в которые

веровал, — русского психологического театра. Да и город ему понравился. В Оренбуржье, где проживают представители более ста народностей, ему ни разу не пришлось встретиться с националистическими проявлениями. Здесь никто и никогда не выяснял, кто какой национальности. Он чувствовал себя в Оренбурге, как дома. Ему нравилось отношение к театру — и публики, и властей. Нравилась оренбургская интеллигенция, умеющая ценить настоящее искусство — театральное, музыкальное, изобразительное. Ну и, наконец, он не мог предать тех, кто протянул ему руку помощи на крутом жизненном повороте.

***

Для дебюта в Оренбурге Исрафилов выбрал пьесу Жана-Батиста Мольера «Дон Жуан». И с первого же премьерного спектакля театральная жизнь города расцвела новыми красками. Билеты на спектакль уходили влёт. Берясь за живущую в веках историю о прекрасном соблазнителе, бросающем вызов не только лицемерному обществу, но самим небесам, Исрафилов преследовал сразу несколько целей. Первая и самая очевидная — явить Оренбургу театральному свои режиссёрские возможности. Вторая — проверить, способна ли труппа на серьёзный разговор со зрителем. Правда, если бы в театре не было артиста, способного так блестяще

воплотить образ Дон Жуана, вряд ли бы он взялся за эту пьесу. Но в театре такой артист был — Олег Бажанов. Исрафилов заприметил его ещё на «смотринах», в том самом спектакле «Король Матиуш Первый», который так его разочаровал. Олег играл там эпизодическую роль. Но зорким режиссёрским глазом Исрафилов сумел разглядеть в артисте серьёзную, мыслящую творческую личность. И потому, возглавив оренбургский театр, решился на постановку «Дон Жуана».

И, наконец, третья причина — обращаясь к этой пьесе Мольера, Исрафилов хотел отдать дань памяти Анатолию Эфросу. Поступая много лет назад в ГИТИС, он мечтал попасть на курс именно к нему, но в тот год Эфроса отстранили от преподавания. Однако это не помешало целеустремлённому юноше из российской глубинки. Учась в институте, он с позволения режиссёра стал посещать его репетиции, в том числе и «Дон Жуана». Не просто сидел и смотрел в своё удовольствие, а работал: делал такие подробные записи, что получился довольно объёмистый том. А после окончания института, узнав, что Анатолий Васильевич набирает в свою творческую лабораторию молодых режиссёров, попросился к нему в ученики. И очень многое получил, занимаясь пять лет в лаборатории мастера, которого считал гениальным. Спектакль «Дон Жуан» на оренбургской

сцене стал его подношением Учителю, чей уход он переживал очень глубоко. Настолько, что, встретившись с артистами театра на Малой Бронной, предавшими Эфроса, открыто сказал: «Бог вас не простит».

Следующей важной, можно сказать, программной постановкой стала «Капитанская дочка» по повести Александра Пушкина. А это уже было подношением великому поэту, побывавшему более полутора столетий назад в Оренбургском крае. Для постановки пушкинского произведения Исафилову пришлось создать собственную сценическую версию. Надо ли говорить, что сделана она была бережно и тонко, без урона для пушкинской повести, без какой-либо попытки «осовременить» (в нынешнем вульгарном понимании) нетленную классику.

Чтобы перевести литературное произведение на сценический язык, Исафилов взял в союзники хореографию заслуженного артиста Украины Олега Николаева, приглашённого для работы над спектаклем. Предполагалось передать масштаб исторического события, в том числе и батальные сцены, посредством танца и пластики. И это в полной мере удалось. «Сцену взятия пугачёвцами крепости, где живёт дочка капитана Миронова, можно ставить в пример студентам режиссёрского факультета. Страшно подумать, какая нестерпимая бутафория выползла бы на сцену, если бы

режиссёр попытался реалистичным способом имитировать бой. Режиссёр же создал сценический образ военного сражения», — писал театральный критик Юрий Рыбаков.

Забегая вперёд, скажу: спектакль прожил насыщенную сценическую жизнь, став визитной карточкой театра на полтора десятилетия. 20 лет спустя Исафилов вновь обратился к этому произведению, считая, что «Капитанская дочка» должна всегда присутствовать в репертуаре оренбургского театра. Для нынешнего спектакля было отобрано лучшее из того, что было найдено тогда, но внутреннее содержание, взаимоотношения персонажей претерпели изменения, продиктованные новым прочтением. Осмысливая, казалось бы, до каждой запятой знакомое произведение, режиссёр находил новые пласты и новые смыслы. И если прежняя постановка большей частью была о любви Петруши Гринёва и Маши Мироновой, то сегодняшняя сосредоточилась, в первую очередь, на Пугачёве и существенном для режиссёра вопросе: откуда берутся мятежные лидеры? Задача театра, считает режиссёр, предостеречь людей от нового Пугачёва.

***

Памятуя о том, какой успех в своё время произвёл его «Великодушный рогоносец», Исафилов решил вновь обратиться к этой пьесе. На заре советской власти

историю про любовь и ревность, доводящую до безумия, поставил основоположник авангардного театра в СССР Всеволод Мейерхольд. Когда Бабанова, первая исполнительница роли Стеллы, будучи уже в зрелом возрасте, перечитала пьесу, она воскликнула: «Какой ужас! Как я могла играть эту гадость! К счастью, я ничего этого тогда не понимала». Думается, не столько не понимала, сколько не ощущала, потому что спектакль был лишён психологизма. Скабрёзность сюжета снималась спортивностью зрелища. Зрителю был явлен новый человек, порвавший с миром безумных, собственных, животных страстей.

Спектакль Исафилова, напротив, был глубоко психологичен. Это была своего рода история про горе от ума. Я бы сказала — изопрённого ума. Скабрёзность сюжета в его спектакле снимается тем, что это история не о любви и ревности, доводящей до безумия, а о том, как человек убивает в себе всё лучшее. Роль Бруно в спектакле сыграл заслуженный артист России Олег Ханов, который появился на оренбургских подмостках благодаря Исафилову. Их связывали давние творческие и дружеские отношения. Они начали вместе работать ещё в Башкирском театре имени Гафури, куда Ханов пришёл в 1973 году после окончания Уфимского института искусств. А потом вслед за Исафиловым

последовал и в Оренбург, потому что Исафилов, почувствовав природу артиста, сумел раскрыть все грани его дарования, став «его режиссёром». Ради этого можно и на край света! Но и Олег Ханов, с его органикой, позволяющей работать в любых жанрах и стилях, высокой техникой игры, мастерством перевоплощения тоже стал для Исафилова «его артистом», с которым можно воплотить самые смелые замыслы.

Роль Бруно была не первая для Олега Ханова в оренбургском театре. Первой постановкой с его участием стал «Маскарад» Михаила Лермонтова, где он сыграл Арбенина. Это был непривычный Арбенин, без романтического флёра, как казалось, сопровождавшего лермонтовского героя. Возможно, в это заблуждение нас изначально вводила фраза, брошенная Казариным: «Ты должен быть поэт и, сверх того, по всем приметам, гений...» Потрясающую трактовку образа, созданного Олегом Хановым, дал московский критик Александр Соколянский, открыв «величие замысла» Исафилова:

— Перед нами человек, который похож на Пушкина во всём, кроме главного, который мучительно осознаёт свою бездарность и бесчестность и, наконец, губит себя, не умея стать Пушкиным.

«Маскарад» позволил разглядеть оренбургской публике Олега Ханова во всём блеске

его дарования. Были оценены и мощный сценический темперамент нового артиста, и умение столь же мощно выразить его и пластически, и мимически, и интонационно.

Большим событием, показавшим художественную зрелость театра, к чему шаг за шагом так упорно стремился Исафилов, стал «Ричард III» Уильяма Шекспира. Беря в работу шекспировскую пьесу, Исафилов опять же сделал ставку на Олега Ханова. Не будь в труппе такого артиста, не скрывает Исафилов, он не замахнулся бы на Шекспира. Спектакль получил высокие оценки театроведов России. Алексей Бартошевич, один из ведущих шекспироведов мира, посмотрев постановку, причислил себя к её поклонникам.

***

Этапной для Исафилова стала работа над инсценировкой по рассказам Василия Шукшина «Милые люди». Лирические истории о шукшинских чудиках нашли живой отклик у широкой зрительской аудитории. На гастролях в Уфе на некогда родной для режиссёра сцене Рифкату Исафилову после показа спектакля была вручена Золотая медаль «Василий Шукшин». Писатель Михаил Чванов, вручавший награду, встал перед труппой на колени. Театру удалось поймать дух Шукшина, показать то, о чём болела его душа. «Милые

люди» — размышление о нашей жизни, о нашей стране, теряющей духовное начало, объединявшее народ России.

— Мы понимаем и разделяем эту боль. То, что спектакль вот уже много лет идёт с большим успехом, получая на фестивалях награды и хорошие отзывы, — заслуга не только театра, но больше всего автора, — говорит Исафилов. — Удивляюсь, как некоторые умники могут утверждать, что Шукшин и Вампилов сегодня неактуальны! Они как никогда актуальны. Поэтому всегда будут в нашем репертуаре. Это настоящая русская классика!

Дань Александру Вампилову была отдана постановкой его пьесы «Старший сын», которой театр дал одно из первоначальных названий — «Свидания в предместье».

Для Исафилова, чей отец и брат погибли на фронте, а из 380 односельчан с полей сражений вернулись только четверо, тема Великой Отечественной войны близка и выстрадана. Он отдал ей дань драматической поэмой «А зори здесь тихие...» по повести Бориса Васильева. Историю о трагической судьбе девушек-зенитчиц и их командира старшины Васкова сыграли совсем молодые артисты-дебютанты, но сыграли так, что зал был потрясён. И не только своя, родная оренбургская публика. Этот спектакль собрал самое большое количество наград на всероссийских и

международных фестивалях — в Москве, Вологде, Ульяновске, Марселе. Поразительно и то, что плакали не только зрители, но в самых драматичных сценах не могли сдержать слёз и артисты.

Львиная доля спектаклей Исафилова, в разное время наполнявших репертуар оренбургского театра, всегда была созвучна со временем и находила живой отклик у зрителей: «Выходили бабки замуж» Флорида Булякова — комедия со слезами на глазах о вымирающей российской деревне, «Фредерик, или Бульвар преступлений» Э.-Э. Шмитта — романтическая история о любви к его Величеству театру, «Между чашей и губами» Андрея Кутерницкого — современная драма о поколении, загубленном необъявленной войной, «Бесталанная» Ивана Карпенко-Карого — музыкальная драма, насыщенная национальным колоритом, «Очень простая история» Марии Ладо — пронзительная притча о любви, «Недоступная» Сомерсета Моэма — комедия в стиле рэгтайм о странностях любви, «Грибной царь» Юрия Полякова — драма «всей жизни и 36 часов почти одинокого мужчины» и другие.

Из недавних постановок настоящим событием стал спектакль «Земля Эльзы» по пьесе Ярославы Пулинович. Современная молодая драматургия, избыточная, как правило, множеством оттенков чёрного, в провинциальных театрах нечастый гость.

Публика российской глубинки не жалуется «чернуху». Но в пьесе Ярославы Пулинович, несмотря на то, что её учитель — Николай Коляда, один из самых жёстких драматургов нового времени, нет и тени чернухи. Хотя на долю главной героини испытаний выпало с избытком. Родилась в семье этнических немцев. Отца расстреляли накануне войны, их с матерью и сестрой сослали в Сибирь. Потом был детдом, потом взрослая жизнь с нелюбимым человеком. Наше знакомство с героиней происходит спустя неделю после похорон мужа. Она приходит в магазин за булкой хлеба и пачкой сахара: траур трауром, но жизнь продолжается. Впрочем, вдова не выглядит убитой горем. Больше того, словно забыв, зачем пришла, с интересом рассматривает женскую обувь на прилавке. И вдруг застенчиво спрашивает у продавщицы: нет ли чего такого, с каблукочком? А потом, придя домой, решительно убирает портрет мужа с траурной лентой, выливает поминальную водку из стакана, стоявшего перед фотографией. И вновь озадачивается вопросом: где же купить хорошие туфли — на небольшом каблукочке и чтобы с бантиком. Становится понятно: долгая жизнь, лишённая простых человеческих радостей, была для неё пуще неволи. Мечты о туфлях на каблукочке — попытка хоть на исходе лет вырваться из постылой обыденности. Этот робко засветившийся в её душе огонёк

и заприметил Василий Игнатъевич, бывший учитель географии, купивший домик в этой деревне. Тоже вдовец. За короткое время знакомства они дают друг другу такое тепло, какого не обрели за всю жизнь. Ну, какие такие романтические чувства могут быть у стариков? Именно так и думают родственники наших седовласых Ромео и Джульетты. Как и у шекспировской пары, у них тоже всё заканчивается трагически.

Сколько душераздирающих мизансцен можно было бы придумать при таком сюжете! Жанр мелодрамы многое списал бы. Но театр рассказал эту историю достаточно сдержанно. На сцене нет мелодрамы, а есть жизнь. Настоящая, достоверная, но преобразованная в искусство, благодаря тончайшему образному ряду. В самом начале спектакля зритель отмечает водосточные трубы, по которым откуда-то с небес падает тихая капель — то ли дождевики, то ли слезинки. На авансцене миниатюрная железная дорога. Игрушечный состав движется по кругу, как жизнь героини, и останавливается вместе с последним стуком её сердца. Затихают и капли в водосточных трубах. И зал молчит, боясь шелохнуться, сопереживая и сочувствуя главным героям, будто растворяясь в одном пространстве с ними.

Этот спектакль, как и все свои постановки, Исрафилов создал в тандеме с замечательным сценографом, народным художником РФ Таном Еникеевым. Их

творческий союз сложился ещё в Уфе, где он работал главным художником Башкирского театра драмы им. Гафури, и счастливо продолжился в Оренбурге. Сценографию Тана Еникеева отличают глубина мысли и полёт воображения, позволяющие создать ёмкий и выразительный образ спектакля.

***

Из последних премьер — «Собака на сене» Лопе де Веги. Казалось бы, какие уж такие серьёзные мысли можно найти в испанской комедии плаща и шпаги? Но Исрафилов, рассматривающий каждую пьесу через увеличительное стекло социальных проблем, нашёл болевую точку и в этой: сословное неравенство, которое становится препятствием в любви богатой аристократки к своему секретарю. Однако не будем лукавить, впадая в излишний пафос. Режиссёр взял пьесу Лопе де Веги не только для того, чтобы доказать, что любовь стирает все границы, в том числе и социальные. Этот автор, к которому он обращается не впервые, привлекает его своей театральностью. 20 лет назад украшением оренбургской афиши стал поставленный им блистательный спектакль-фейерверк «Раба своего возлюбленного». И вот спустя два десятилетия режиссёру захотелось узнать, насколько готовы артисты нового поколения сыграть эксцентрику. И остался доволен: «молодняк» сумел открыть новые грани актёрского

мастерства в предложенных ему обстоятельствах.

С этой же целью — дать возможность артистам попробовать себя в разных жанрах, в том числе мюзиклах и музыкальных спектаклях, — он ставил и «Вестсайдскую историю», и «Свадьбу в Малиновке». Драматические театры во все времена экспериментировали. Даже у Товстоногова были в репертуаре «Вестсайдская история» и «Ханума». Во-первых, не в обиду артистам дружественного театра музыкальной комедии, Рифкат Вакилович считает, что драматические артисты поют лучше, чем профессиональные вокалисты. Может, у них голоса не поставлены, но «поставлена» душа. Они поют душой. А у некоторых, как, например, у Максима Меденюка, окончившего помимо театрального факультета ещё и вокальный, и с постановкой голоса всё в порядке. А во-вторых, для режиссёра массовые музыкальные спектакли — это ещё и решение вопроса занятости молодых артистов. В той же «Свадьбе в Малиновке» в массовых сценах было занято более 40 человек, и пели артисты исключительно народные песни, искусно подобранные музыкальным руководителем постановки Тамарой Пикулевой.

***

С большим успехом вот уже седьмой год на оренбургских подмостках идёт «Пышка» по повелле Ги де Мопассана в переложении

Василия Сигарева. За этот материал Исрафилов взялся в поисках новых форм. Это был дипломный спектакль его курса. И мастер, и студенты настолько были увлечены работой над произведением французского классика, ставшего знаменитым, кстати, на другой день после выхода в свет «Пышки», что постановка вошла в текущий репертуар.

И это не первый случай, когда студенческий спектакль пополнил театральную афишу: «Бомжовый блюз» на песни Тома Уэйтса, «Вестсайдская история» Леонарда Бернстайна и Артура Лорентса, «До третьих петухов» Василия Шукшина, «Три сестры» Антона Чехова, «А зори здесь тихие...» Бориса Васильева и другие. Исрафилов не боится вводить студенческие постановки в репертуар, потому что они, проходя процесс, необходимый в работе над созданием сценического произведения, отрабатываются до мелочей. Правда, в последнее время репертуар оренбургского театра настолько богат и обширен, что для «прописки» в нём студенческих постановок пока нет лишней «жилплощади». Но отказываться от этой практики Исрафилов не собирается. Сам он как зритель очень любит, бывая в Москве, ходить на студенческие спектакли в учебные театры ГИТИСа, Щукинского или Щепкинского училища, для того чтобы окунуться в атмосферу молодёжной энергетики — кипучей и животворящей.

***

Поверять алгеброй гармонию — дело бессмысленное. И всё же приведу несколько цифр. За 24 года своей работы в Башкирском театре Исафилов поставил 25 спектаклей. В Оренбурге за это же время — 50. Вдвое больше! Почему?

— Потому что здесь оказалось больше простора для творческого поиска, — объясняет Исафилов. — Тут и условия другие, и выбор репертуара колоссальный. В национальном театре эти возможности ограничены. В Уфе я должен был ставить в год пять пьес национальных авторов. Представьте себе, каково в Башкирии найти пять настоящих хороших драматургов, которые создавали бы каждый год по шедевр, если во всей России дай бог обнаружить три-четыре. Найти полноценный драматургический материал из-под пера современных авторов всегда было очень сложно.

Разумеется, в национальном театре Исафилов ставил и классику. Но это было возможно лишь раз в два-три года. И потом — национальный зритель переводные пьесы не очень воспринимает. Ему больше хочется видеть своих авторов, а «свои» не всегда соответствовали тем требованиям, которые предъявляются сегодня современному театру.

Ещё один момент, проливающий свет на эту магическую цифру — 50 спектаклей. В Башкирском театре имелись очередные режиссёры. Ко времени его прихода в

Оренбургский театр школа очердных режиссёров, распространённая в советское время, начала исчезать. Поэтому на оренбургских подмостках ему пришлось работать по-стахановски. Да, он всегда старался приглашать на постановки знаменитых коллег из Москвы и других крупных городов: Сергея Яшина, Анатолия Морозова, Иосифа Райхельгауза, Семёна Злотникова. Но это были приглашённые режиссёры, люди со стороны, а ему был нужен свой человек, соратник. Сейчас такой режиссёр-единомышленник в театре есть — Александр Фёдоров. Исафилов взрастил его сам, что называется, с молодых ногтей, как в своё время взял за правило возвращать артистов для своей труппы — что в Башкирском театре, что в Оренбургском. Получив настоящую режиссёрскую школу, Александр вернулся в родной театр и сейчас успешно работает, не боясь братья за очень серьёзный материал. Исафилов не скупится на похвалы, отмечая растущий профессионализм молодого коллеги. И им совсем не тесно на одной сцене.

— На небе всем звёздам места хватает, — шутит Рифкат. — А если серьёзно, когда рядом есть человек, которому ты доверяешь, любому руководителю, в том числе и художественному, это значительно облегчает работу. Есть время подумать над новыми постановками. И потом очень важно загрузить всю труппу. А в ней сейчас более 40 человек. И все

они заняты в репертуаре. Артист должен заниматься творчеством, а не закулисными играми.

***

Половина творческого пути Исрафилова пришлась на так называемую эпоху застоя. Половина — на время демократических и не очень перемен. Конечно, он со своим аналитическим режиссёрским умом не может не сравнивать «тогда» и «сейчас». Поэтому вопрос о том, когда было труднее работать, кто или что мешало высказывать свою позицию — художественную и гражданскую — не застаёт его врасплох.

— Я часто об этом думаю, — признаётся Рифкат Вакилович. — На сравнения и размышления наталкивает то, что я волей-неволей вижу по телевизору. А там всё время полощут грязное бельё, стреляют, убивают. Будь то текущие события или сериалы. Такого безобразия прежде не было никогда. Не думал, что когда-нибудь скажу это, но вот говорю: не надо было снимать цензуру. Снимать её можно тогда, когда у художника есть свой внутренний цензор. Автор должен сам строго спрашивать с себя за свои творения. Когда я вижу всё, что льётся с экрана, мысленно возвращаюсь в советское время. Да, спектакль «Не бросай огонь, Прометей» по Мустаю Кариму мне пришлось сдавать два или три раза. Мне говорили, что надо убрать некоторые сцены. Тогдашний секретарь обкома КПСС даже заявил,

что этим спектаклем постановщик стреляет из-за угла в Советский Союз. Но спектакль всё-таки не запретили. Он увидел свет. Точно так же несколько раз пришлось сдавать ещё одну постановку — «Один потерянный день» Аяза Гилязова. Но полного запрета в моём творчестве никогда не было. Напротив, по многим вопросам ощущал со стороны министерства культуры и обкома партии поддержку.

В продолжение темы Исрафилов вспоминает годы юности. Молодых режиссёров, только вчера окончивших ГИТИС, вызывает Михаил Царёв, народный артист СССР, возглавлявший в ту пору Всероссийское театральное общество. И говорит: «Отправляем вас за рубеж — поедете смотреть спектакли. ВТО всё оплачивает: и дорогу, и проживание, и встречи со знаменитыми режиссёрами». Рифката Исрафилова с Камой Гинкасом, ставшим впоследствии, как и многие его однокашники, известным режиссёром, отправили в Чехословакию. В течение пяти лет после окончания института, посещая творческую лабораторию Георгия Товстоногова, начинающие режиссёры наблюдали за процессом рождения на сцене Большого драматического театра таких шедевров сценического искусства, как «История лошади» по «Холстомеру» Л. Толстого, «Мещане» М. Горького, «Три мешка сорной пшеницы» В. Тендрякова. С лабораторией Георгия Александровича побывали в Лондоне.

— По сути власть формировала профессиональные навыки художника, — говорит Исрафилов. — В советское время много внимания уделялось театрам, идеологии, воспитанию нового поколения. Да, каким-то постановкам не давали хода. Но, может, и не по политическим мотивам, а потому, что спектакль был слабый? Сегодня никто ничего не запрещает. Но такие талантливые спектакли, какие были в Советском Союзе, сейчас появляются нечасто.

Говоря это, Исрафилов не боится, что кто-то обвинит его в том, что он защищает ретроградный строй. Таковы его убеждения. И он, как истинный художник, не скрывает свою позицию — ни в жизни, ни на сцене.

***

Умение говорить честно и прямо не помешало ему собрать огромный иконостас наград и регалий. Орден Дружбы народов, орден Почёта, орден «За заслуги перед Отечеством», орден Салавата Юлаева, орден Александра Невского «За заслуги в развитии отечественной культуры и искусства», Золотая медаль «Василий Шукшин», Золотой знак Союза театральных деятелей России — вот неполный перечень самых ярких из них, не говоря о званиях: от заслуженного деятеля искусств Башкирской АССР, Республики Татарстан, Северной Осетии — Алании, РСФСР до народного артиста России. Он единственный

в театральном мире Оренбуржья лауреат Государственной премии России, и чаще, чем Рифкат Исрафилов, никто не удостоивался Губернаторской премии «Оренбургская лира» в области культуры и искусства. Из недавних наград — российская национальная театральная премия «Золотая маска»: «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства». Для человека, посвятившего себя служению сцене, это, пожалуй, самая высшая награда.

Но у медали, как известно, две стороны. С одной стороны — приятно получать столь высокое признание своего труда, а с другой — награды и звания ещё более усложняют творческую жизнь. Как говорят французы, *noblesse oblige*: положение обязывает соответствовать наградам и званиям и каждой новой постановкой оправдывать своё «чемпионство».

***

Он никогда не позволял душе лениться. Потому и сумел поступить в ГИТИС, куда дорога была открыта далеко не каждому. Студенческие годы, учёба у мастеров советской сцены — самые лучшие его воспоминания. После учёбы у него была возможность остаться в Москве. Но он считал, что в столице и без него хватает режиссёров, поэтому поехал на родину — поднимать искусство. Вернулся в Башкирский театр, где начинал свой путь с актёрской профессии. К тому времени, как он приехал,

народ перестал ходить в театр. Хотя театр был солидный, и режиссёры работали хорошие.

— Я посмотрел спектакль. Про войну, — рассказывает Исрафилов, — вот одна из сцен: башкирская разведчица разговаривает в бункере с Гитлером. Но это же неправда! Не могло такого быть. Поэтому в зале и не было зрителей.

Когда он поставил преддипломный спектакль «Галиябану» по пьесе основоположника татарско-башкирской драматургии Мирхайдара Файзи, 20 спектаклей подряд прошли с аншлагами. Потом он уехал в Москву делать дипломную постановку, но никак не мог найти материал. Пожаловался своему педагогу Михаилу Буткевичу, тот ему предложил обратить внимание на «Неотосланные письма» Аделя Кутуя.

— Так это же повесть!

— А ты сделай инсценировку.

Он стал думать, нашёл ход и начал работу над пьесой. Когда поставил по ней спектакль в Башкирском театре, он шёл с аншлагами 500 раз. Потом был самый знаменитый его спектакль — «Долгое-долгое детство» по повести Мустая Карима. И опять инсценировку делал сам, консультируясь с Буткевичем. В театр стало невозможно достать билеты, их раскупали за три месяца до спектакля. Перед началом вся площадь перед театральным зданием была заполнена публикой. Постановочная группа была выдвинута на Государственную премию РСФСР.

Но случилась накладка: в этот же год на Ленинскую премию был выдвинут Мустай Карим. И всё-таки Государственная премия не заставила себя долго ждать. Вместе с другими членами постановочной группы он получил её за спектакль «Бибинур, ах, Бибинур!» по пьесе молодого драматурга Флорида Булякова.

***

Все, кто учился с ним на одном курсе (а многие однокашники были из других стран), стали известными режиссёрами, руководителями театров в Москве, Петербурге, Туле, Шауляе, Испании, Вьетнаме, Мексике, Болгарии. На режиссуру принимали не школяров, а людей, прошедших школу жизни. Сам он до ГИТИСа получил высшее театральное образование в Уфе. На курсе были врач, филолог, переводчик. Всех их, таких разных, связывала горячая любовь к театру. Ходили на репетиции и спектакли к Анатолию Эфросу, Юрию Любимову, Петру Фоменко в Университетский театр на Ленинских горах. Бывали на самых шумевших московских спектаклях, на всех литературных, музыкальных и кинопремьерах. Он до сих пор дружит с Борисом Морозовым и Иосифом Райхельгаузом. Общение с талантливыми однокурсниками, споры об искусстве, работа над дипломными спектаклями, совместное постижение профессии сильно ему помогли, не скрывает

Исрафилов. Друзья давали то, чего ему порой не хватало, вдохновляя своими прекрасными идеями и начинаниями.

***

Судьба подарила ему дружбу с Михаилом Ульяновым, которая длилась долгие годы. Он знал, как и все мы, Михаила Александровича как выдающегося артиста. Когда его избрали первым председателем Союза театральных деятелей России, а Рифката в Секретариат, он узнал его и как организатора. Многие вопросы приходилось решать совместно. Так и подружились. Часами беседовали, сидя у Ульянова в кабинете СТД у камина. Когда Рифкат приезжал в Москву на заседание Секретариата, то останавливался в гостинице «Минск» — напротив дома Ульянова. Утром Михаил Александрович звонил и говорил: «Каша готова. Прошу к столу!»; зачастую Рифкат действительно завтракал у него. Михаил Александрович в свою очередь бывал на его родине в деревне Ново-муслумово.

Как-то Ульянов заболел, и Рифкат с Олегом Хановым предложили ему съездить в знаменитый башкирский санаторий «Янгантау» — «Горящая гора». Все вместе и поехали. Три недели провели в «Янгантау», потом отправились в «Сосновый бор», который находился рядом с деревней Рифката. Там жили больше недели. объездили всё.

Поднимались в горы, косили сено, рыбачили, катались верхом на лошади. Ульянов любил лошадей. Были на пасеке, прошли от родительского дома Рифката до школы в соседнем селе, куда он каждое утро в любую погоду отправлялся за знаниями. И в весеннюю распутицу, и в 30-градусный мороз. А холода были такие, что нос нельзя высунуть, смазывали лицо и руки гусиным жиром и шли. Думается, путешествие в детство Рифката многое дало Ульянову для понимания характера его друга.

Приезжал Михаил Александрович к Исрафилову и в Оренбург — читал со сцены драматического театра рассказы Василия Шукшина. Рифкат со свойственным ему гостеприимством устроил для дорогого гостя очень тёплую встречу. Был выделен микроавтобус, который весь день возил народного артиста и группу сопровождения, возглавляемую самим Рифкатом, по оренбургским достопримечательностям — набережная Урала, музей истории Оренбурга, Бёрды... Михаил Александрович, уже не вполне здоровый и немолодой, несмотря на усталость, проявлял неподдельный интерес ко всему, что видел.

— Встречи с Михаилом Ульяновым — самые яркие страницы моей жизни, — признаётся Исрафилов. — Он сыграл в моей судьбе колоссальную роль. Я всегда и во всём ощущал его поддержку.

Ульянов в свою очередь тоже высоко ценил Рифката и как режиссёра, и как человека. «Исрафилов — режиссёр не по профессии, а по складу ума, характера, темперамента, — считал он. — Режиссура — это, прежде всего, организация. Через организованную на сцене жизнь выразить свою боль и свою радость. Это Исрафилов делает прекрасно».

***

Сегодня Оренбургский драматический театр имени Горького является одним из ведущих в российском театральном пространстве. Он признан зрителями, коллегами, критическим сообществом, получает огромное количество приглашений на фестивали самых высоких уровней. Это говорит о том, что детище Исрафилова находится под пристальным вниманием театральных деятелей, которые оценивают творчество того или иного коллектива по самому высокому счёту. В репертуарной афише выдержан баланс современных пьес и классики. Художественный руководитель строго соблюдает эти канонические пропорции. Большое внимание всегда уделял постановкам для детей, на оренбургской сцене его артистами, кажется, переиграна вся детская классика. Своего зрителя надо воспитывать с младых ногтей — это непреложный закон театра, думающего о завтрашнем дне.

Театр — своего рода барометр состояния общества, и режиссёр, если он живёт «здесь и сейчас», должен всегда держать руку на пульсе. А Исрафилов не из тех, кто «сквозь форточку» рассеянно вопрошает: «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» Что греха таить, комедийные спектакли сегодня пользуются чуть большей популярностью. Но и на серьёзных постановках зал не пустует. То, что после финальных сцен зрители подолгу не отпускают артистов со сцены, благодаря их за пережитые эмоции цветами и аплодисментами, о многом говорит. И в первую очередь о том, что оренбуржцы любят свой театр.

А что приводит их в зрительный зал? У Исрафилова есть свой ответ на этот простой и в то же время сложный вопрос.

— Думаю, каждый человек хочет немного пожить другой жизнью, — рассуждает режиссёр. — И в театре это желание сбывается.

Нечто подобное пережил и сам Рифкат, когда впервые в жизни увидел театральную постановку. Это произошло в классе шестом-седьмом. К ним в Новомуслюмово приехал Кигинский театр — есть такой район в Башкирии. Привезли «Молодую гвардию» Александра Фадеева, играли в клубе — бывшей мечети. Этот спектакль остался у него в памяти навсегда. Может, не столько сама постановка, сколько

душевные переживания, которые вызвала первая встреча с магией театра. Это и оказалось тем, что привело пытливого деревенского мальчишку по другую сторону рамп. Он записался в школьный драматический кружок, в котором играли не только учащиеся, но и учителя, имевшие за плечами учёбу в Казанском университете. На сцене был иной мир, не похожий на тот, в котором он жил. Иная реальность манила и завороживала. И заворожила, а точнее — приворожила на всю жизнь.

Ни о чём, что случилось или не случилось потом в его жизни, он не жалеет. Сильного характера человек, он, сделав себе имя и добившись больших высот на своей малой родине, сумел найти себя и на новом месте. Говорит, что благодарен и судьбе, которая забросила его с насиженного места в Оренбург, и людям, которые создали в своё время в Уфе для

него невыносимые условия. Сейчас он с чистым сердцем мог бы при встрече со своими гонителями сказать: «Спасибо. Благодаря вам я нашёл свой театр». Правда, начинать всё сначала в принципиально другом — русском — театре было трудно, но, оказалось, и невероятно интересно. И сейчас, спустя почти четверть века, Исрафилов искренне считает, что судьба сделала ему подарок, лучше которого «трудно представить».

— Любой режиссёр мечтает работать в окружении своих единомышленников, — говорит Исрафилов. — А у нас в труппе сейчас почти 85 процентов — мои ученики. Они разные. По-разному подходят к жизненным обстоятельствам. Некоторые порой теряются и отступают в трудных жизненных ситуациях. Но у всех у них есть стремление создать уникальный театр. И режиссёру работать в таком театре — счастье.

С бабушкой Майсарой.
1944 год

Мама Хатмаямал

На пороге студенческой жизни

Первые актёрские работы в театре

Актёрская работа Р. Исрафилова, 1967 г.

Р. Исрафилов в роли, 1967 г.

«Дон Жуан». В роли Дон Жуана – заслуженный артист РФ Олег Бажанов

«Ричард III». Ричард – заслуженный артист РФ Олег Ханов

**«А зори здесь тихие...»
Васков – Александр Фёдоров**

Сцена из спектакля «Милые люди»

Сцены из спектаклей:
«Продавец дождя» (вверху),
«Пышка» (внизу)

Спектакль «Любовь и голуби». Надежда - Наталья Ренёва

С соавтором всех своих спектаклей, народным художником
РФ Таном Еникеевым

